

Я ИГРАЛ В ФУТБОЛ С ПЕЛЕНОК

КНИГА О **ВЛАДИМИРЕ
КАЗАЧЕНКЕ**

ГУМАНИТАРНАЯ
АКАДЕМИЯ

Сборник
Алексей В. Павлюченко
Сергей Иванович Князев
Я играл в футбол с пеленок.
Книга о Владимире Казаченке

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43660404

Я играл в футбол с пеленок. Книга о Владимире Казаченке: ИЦ

«Гуманитарная Академия»; СПб.; 2019

ISBN 978-5-93762-157-3

Аннотация

В сборник памяти выдающегося ленинградского футболиста и тренера Владимира Казаченка (1952–2017) вошли его жизнеописание, составленное на основе его интервью разных лет, воспоминания его друзей и коллег и статистические материалы.

Содержание

Я играл в футбол с пеленок	5
Пролог. Родители	5
Раиса Ивановна Казаченок	5
Владимир Казаченок об отце	12
Родом из детства. Колпино	16
«Зенит». Первый тайм	38
Конец ознакомительного фрагмента.	44

**Сергей Князев,
Алексей Павлюченко
Я играл в футбол
с пеленок. Книга о
Владимире Казаченке**

© В.А. Казаченок, наследники, 2019

© С. И. Князев, А. В. Павлюченко, составление, 2019

© П. П. Лосев, обложка, 2019

© ТАСС, фото, 2019

© Издательский Центр «Гуманитарная Академия», 2019

Я играл в футбол с пеленок Жизнь Владимира Казаченка, рассказанная им самим, с комментариями его родных и друзей

Пролог. Родители

Раиса Ивановна Казаченок

Я родилась и выросла в Смоленской области, семья у нас была большая. Я из детей последняя, восьмая. Мне было девять лет, когда началась война, и быстро-быстро нас немец захватил. Старшие братья ушли на фронт, сестры к тому времени уже разъехались. Дома оставались с родителями только я да сестра, которая передо мной родилась.

В нашей деревне немцы не стояли, потому что лес рядом, а там партизаны. В пяти километрах от нас был немецкий штаб. Карательные отряды периодически наезжали. Вот к одной женщине сын забежал, он был партизаном. Посидел буквально полчаса и побежал догонять свой отряд. А нем-

цам донесли. Они приехали, мать за волосы вытащили. Дом сожгли, а ее застрелили. Сказали: «Не трогайте, пусть тут и тухнет».

Но все равно, конечно, закопали. Правда, не на кладбище, а в березнячке. А у нее девочки-двойняшки, мне ровесницы. Так и остались, перебивались по людям – кто хлеба даст кусок, кто переночевать пустит.

Еще случай: какой-то человек, видимо, из окружения выходил. Спросил у девушки в крайней избе дорогу, она объяснила. И опять кто-то донес. Ее потом в баню затащили и подожгли. Она там кричала, а мать сапоги немцу целовала, просила: «Ну открой!» Не открыл. Так и сгорела.

Но были среди них и хорошие. Помню, нас в лес гоняли обрубать сучья. Взрослые пилили и валили деревья, а мы сучья срубали. За нами Ганс присматривал. Так он нас жалел. Бывало, скажет (на ломаном языке, но мы понимали): «Посидите пока, а как услышите по дороге дрожжи тук-тук-тук, так скорее стучите топориками, рубите». Их старший на дрожжах ездил. Приехал он как-то в воскресенье, а мы на своем поле работаем – зерно уж осыпается, убирать пора. А он бегаёт за нами с палкой и кричит: «Уходите! Сегодня праздник, в церковь идите, молиться. Работать завтра будете!»

В школу первый год при немцах не ходили, а на вторую зиму школа работала, только учителя старались учебники подбирать, чтоб без портретов Ленина, Сталина...

А писали на старых газетах между строчек.

В 1943 году нас освободили. Когда немцы отступали, они угоняли с собой и людей, и скотину. По дороге мимо нас шли толпами из тех деревень, что поглубже были. Папа у нас паникер, собрался уезжать, а то угонят в рабство или расстреляют. А мама и говорит: «Куда ты со своего места собрался? Тех гонят, потому что им спрятаться негде, а у нас же леса кругом».

К тому времени у нас уже большое хозяйство было. Немцы ведь нам всю землю в единоличное хозяйство отдали. Колхоз разобрали по количеству человек – у нас братья на фронте, а нам на них все равно землю дали. Пахали-сеяли для себя. Папа, мама, старшая сестра работали. Я хоть и совсем девчонка была, а жала наравне с ними. Сноп в сноп. И столько понасеяли, столько понарожалось зерна – все закрыма засыпали.

Стали немцы отступать, мы коровку за рога – и в лес. И лошадь, и поросенка – все забрали с собой в лес. Пересидели. Немцы, уходя, полдеревни сожгли, всю не успели – наши быстро наступали. Но наш дом сгорел.

А потом опять колхоз восстановили, все у нас отобрали. И такой голод – мы ходили все опухшие. Пока у кого-то появится коза, у кого-то курочки... Много времени прошло, пока начали понемногу разживаться.

Раиса Ивановна Казаченок. Начало 1950-х

В 1949 году я окончила школу. И приехала в Ленинград поступать в Технологический институт. Пришлось идти на стройку – жить-то негде и прописаться некуда. Приехала в Колпино, подала документы, стала медицинскую комиссию проходить. Помню, пришла к главному врачу. Он смотрит на меня и говорит: «Девочка, а ты знаешь, что такое стройка? Что надо кирпич таскать, носилки тяжелые? Ты ведь не справишься!» А я отвечаю: «Ну а что делать...» Он смотрел на меня, смотрел, головой качал, потом куда-то сбегал, вернулся, позвонил по телефону начальнику стройки, попросил устроить меня в контору, чтоб не так тяжело – девочка ведь, сразу после школы. И договорился. Сказал: «Иди, там тебя возьмут, все полегче будет».

Пришла я в управление. Села в коридорчике, сижу, жду. Смотрю, мимо бегают девушки с бумагами – туда-сюда, на каблучках, хорошо одетые такие, красиво причесанные, нарядные... А мне и надеть нечего – ни на ноги, ни на плечи. Ничего же у меня нет... И думаю: как же я сюда приду работать такая? Нет, не могу. И сбежала.

И оформилась на стройку. Работала в растворном узле и на подъемнике. Раствор делали и наверх поднимали. В общезитии дали мне кроватку. Было холодно и очень шумно. Со стройки приезжаешь – фуфайка грязная, мокрая от снега. Сильно уставала, мучилась – всего ведь семнадцать лет

мне было, восемнадцатый пошел. И никаких перспектив. Я не могла куда-то уйти – там заключали договор, как по вербовке.

И вот познакомилась с Сашей, моим будущим мужем. Он старше меня на семнадцать лет. Воевал танкистом в Ижорском батальоне.

Александр Казаченок (второй в нижнем ряду) и однополчане, 1930-е

Отец его погиб под Синявино. До войны он был начальником депо на железной дороге. Его участок – от Ленинграда до Обухово. Сразу же ушел на фронт и в первом же бою получил сильные ранения. Когда Саша приехал к нему в гос-

питаль, ему сказали, что отец уже умер – от ран. Отец в каком-то сарае лежал – в морге мест не хватало, столько их там погибало. Саша нашел его и решил, что назавтра вернется и заберет, чтоб похоронить в Колпино, на своем кладбище. Но на следующий день сарай был пустой. Всех увезли на Пискаревку. И похоронили там. Мы ездим на кладбище, поминаем, но где он точно похоронен, так и не знаем. В одной из больших общих могил.

Когда мы познакомились, Саша тоже на стройке работал – водителем. Жил с матерью и двумя сестрами. Мама у него была инвалид, у нее отняли ногу.

Он говорит: «Выходи за меня замуж! У нас будет комната – меня зовут работать в райисполком, я буду возить председателя». Поженились. Свадьбы, правда, у нас не было. Собрались с родственниками, за столик сели, выпили, закусили... и все. И вот буквально на второй же день он с ключами приходит. Мы сразу же уехали в свою комнатусечку. И когда мы переехали – это было такое счастье!

А там уж жизнь стала меняться. Когда я Вовочку родила, как раз прошло три года, как отработала на стройке, договор мой закончился, и я могла пойти работать куда хочу. Пошла на Ижорский завод, в хороший цех – Седьмой секретный. Была диспетчером, потом учетчиком производства. Всю жизнь там работала, сорок два года.

Владимир Казаченок об отце

Мой отец был человек немногословный, о своей довоенной жизни, в общем-то, не рассказывал. Сохранились у нас фотографии, на которых он совсем еще молодой во время службы в армии. Больше я знаю о том, как во время Великой Отечественной войны он воевал в Ижорском батальоне. Там они познакомились с дядей Мишей. И потом дружили всю жизнь как родные. Жену его звали Раисой, как и мою маму.

Александр Викторович Казаченок. 1960-е

Однажды, когда я был совсем крохотный, мои родители вместе с тетей Раей и дядей Мишей поехали в Обухово, в церковь, и окрестили меня. Мы с сестрой оба крещеные. Мама говорила: «Не нами начато, и не на нас пускай заканчивается. Покрестить ребяток надо».

Я, конечно, этого не помню, в пеленках лежал, но дядю Мишу всегда звал крестным. И страшно важничал, потому что мой крестный – сталевар на Ижорском заводе, а в Колпино сталевары были самыми почитаемыми и уважаемыми людьми.

Я любил, когда крестный приходил к нам в гости. Они с отцом на верандочке беседовали... Особенно здорово было 9 Мая. Этот праздник в Колпино всегда и для всех самый дорогой. С утра собирались и шли в Дом культуры – там ветеранов поздравляли, цветы дарили. Подарки вручали... А потом у нас долго вспоминали, рассказывали. Меня от них не оттащить было. Крестный воевал в разведроте, а отец – танкистом. Правда, те ижорские танки назвать танками можно было очень условно. Еще с революции на заводе оставались 19 броневиков, они стояли где-то в закутке. Так вот, на эти броневики, откатав, прикрепили спереди листы стали, поменяли что-то в двигателях, поменяли пушки – вот и получились танки. С Ижорским батальоном отец и крестный дошли до Нарвы и в 1944-м вернулись домой. Отец не был ранен,

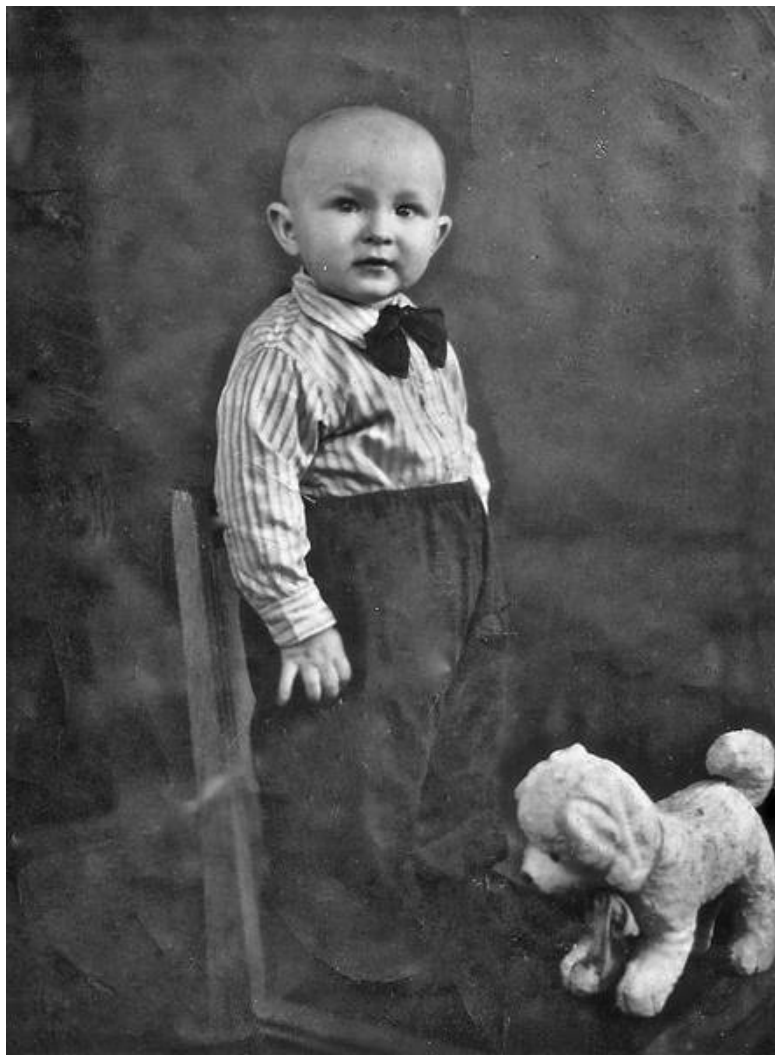
только менингитом болел. Наград правительственных у него тоже не было. Не убили – и слава Богу. Они с дядей Мишей говорили, что их Бог хранил – ведь ни тот, ни другой ранены не были ни разу. Рядом люди погибали, а их даже не задело.

Никогда не похвалялись, что вот Колпино защитили, Ленинград – не было в них этого. Вспоминали, как устанавливали танки на позициях, как окапывали их со всех сторон. Смеялись, что к каждому танку нужна была рота солдат, чтоб вытаскивать их из грязи. Но всегда с гордостью говорили о броне, откатанной на своем заводе, ее никакие снаряды не брали. Конечно, голод, холод – ополчение же не так снабжалось, как регулярная армия. Но всегда гордились тем, что именно это ополчение удержало немцев на самом далеком рубеже от Ленинграда. Колпино осталось неприступным плацдармом, и завод работал. Я тоже этим всю жизнь горжусь.

Родом из детства. Колпино

Сколько себя помню, столько я в футболе: с детства либо смотрел, как взрослые ребята играют, либо сам играл. Какой-то точки отсчета, после которой проснулся интерес к футболу, сейчас не отметишь. Такое впечатление, что эта игра была в моей жизни всегда.

Наша семья жила на улице Стахановской (называли ее в шутку и Стакановской) рядом с 402-й школой, колпинцы ее хорошо знают. Дом наш был деревянный. Рядом уже стояли кирпичные, они все вместе наш двор и составляли. Жизнь была непростая, но у меня о той поре только теплые воспоминания.

Володя Казаченок. 1954

Все наше с сестрой детство прошло в домах, построенных пленными – немцы строили у нас в Колпино целые кварталы. Сначала мы жили, как я сказал, в деревянном доме на первом этаже, в комнате метров тринадцати, вчетвером: мама, папа и я с сестренкой. Были там две квартиры на первом этаже и две на втором. В каждой квартире по три семьи. И вот с теми, кто в нашей парадной жил, до сих пор мы дружим. Тетя Маруся Лебедева, дядя Костя, две их дочери... Все уже выросли, переженились, своими семьями обзавелись, своими делами, разъехались кто куда, а дружим до сих пор. Вот говорят, что коммунальная квартира – сплошные склоки. А у нас тепло было, как родные все друг другу.

Раиса Ивановна Казаченок

Хорошо помню «первый гол» Володи. Как-то раз я заболела, и пришла меня проведать приятельница. Работала она во вредном цехе, где давали молоко. И она за два или три дня получила там бидончик молока, пришла и поставила его в уголке у двери. Сели мы с нею разговаривать. А Вова играл. Как всегда, в мяч. Привычка у него была забивать в дверь, как в ворота. Я не строгая, разрешала. Вот и тут – стоял-стоял да как ударил! И прямо в бидон. Молоко по всему полу... Мы потом всю жизнь вспоминали и смеялись: «Первый гол – в бидон». Годика три ему было тогда.

Первые три года жизни я провел в машине у отца. Это

была «Победа», на которой отец возил председателя райисполкома. Мать уходила на работу, и единственное, куда меня можно было пристроить, это к отцу, на заднее сиденье. Может, я и мешал начальнику, но он был хороший человек и что я ему мешаю не говорил и виду не показывал. А потом начальник уехал в Москву, и отец пересел на рейсовый автобус. Больше сорока лет он работал водителем.

Отец очень рьяно относился ко мне. Вообще нас с сестрой он никогда пальцем не тронул, но был строг. А строгость такая: поворчит-поворчит, но все равно чувствуется, что он нас любит и постоянно о нас заботится. Он мог работать для семьи день и ночь. Потом, когда я серьезно занимался спортом, он практически ни одной моей игры не пропускал.

Уже в «Зените», на одной из первых игр, помню, сломали мне что-то. И я запретил родителям приезжать на стадион. Но отец с матерью все равно втихаря приходили...

Раиса Ивановна Казаченок

Я любила смотреть, как он играет. Платком закручусь, чтоб он не узнал, через речку перебегу, на стадион, и устроюсь где-нибудь в заднем ряду. Игра заканчивается, я бегом-бегом – и домой. Прихожу, а он следом: «Ну чего, опять тебе дома делать нечего? Как ты ни прячься, я тебя все равно узнаю». И потом где-то на выезде они играли, и я по радио услышала, что он получил серьезную травму и отправлен в Москву в больницу. Я собралась и полетела. В аэропорту взяла такси. Сколько мы больниц объехали! Водитель такой хороший попался. «Вы уж, – говорит, – из машины не выходите». Сам всё ходил, спрашивал. Нашли, наконец – где-то на самом краю Москвы. Больница специальная, куда спортсменов и балерин обычно привозят. Тяжелая была травма. Он был очень подавлен.

Я родился за полгода до смерти Сталина. Хрущевскую оттепель помню по тому, как вдруг в нашем маленьком, с гулькин нос, магазинчике появилось небывалое изобилие. Заходишь – рыбы какой только нет, икра в бочках, селедки сортов шесть-семь, ветчина, колбасы немерено... Я это помню прекрасно. Мы, конечно, не могли себе ничего такого позволить. Да я и не понимал, наверное, что там – колбаса копченая или еще какая... У меня вкуса к этому не было никакого. Я любил пельмени. Когда подрос, лет чуть больше трех стало, отец не мог уже меня брать с собой, и мать чаще всего оставляла меня на соседку, тетю Марусю. Она будила, чаем поила – в общем, присматривала. Самые приятные воспоминания из детства – мать оставляла тридцать копеек на пачку пельменей. Я шел в магазин, покупал их, тетя Маруся их варила. Самый вкусный обед!

Потом, когда мне исполнилось лет семь, мы переехали в другой дом. Тоже немцы построили. Сейчас бы сказали – коттедж или таун-хаус: с одной стороны две семьи и с другой две. Там у нас уже было две комнаты. Кухня, правда, общая и туалет во дворе. Но зато огород свой и палисадник. Грядки там развели – с картошкой, овощами. Не могу сказать, что голодали, но жили не очень здорово. Хотя мать и отец стремились, чтобы мы с сестрой получили образование и одеты и обуты были не хуже других... Поэтому и работали с утра до ночи.

Самое главное, чему меня научили родители и за что я им

благодарен, – деньги хороши тогда, когда их зарабатываешь.

И были мы все время под присмотром взрослых. Меня, к примеру, мама даже в садик не водила. В квартире нашей проживало три семьи, соседка-пенсионерка тетя Маруся меня «пасла», доглядывала, кормила меня обедом, а вечером, когда папа с мамой возвращались с работы, им передавала. А целые дни я проводил во дворе, играя в футбол. Мне исполнилось семь лет, когда родители получили новую квартиру, и мы в нее переехали. Но ничего в моей жизни не изменилось, благо новое жильё было неподалеку, и я продолжал постоянно прибегать в родной двор, на Стахановцев. Два футбольных поля было в нашем распоряжении! Одно возле школы. Туда частенько по вечерам приходили взрослые мужики и тоже мяч гоняли. Иногда – с ребятами-старшеклассниками. Другое поле – в моем дворе. Так что было где развернуться. Особой честью считалось приглашение сыграть со взрослыми. Подрос немного – начали звать. Ужасно, помню, возгордился тогда. Недавно спросил у друга Славки Силаева, он хорошо помнит: за что, мол, брали? Тот улыбнулся: «Тебя брали, потому что ты не хныкал».

Но чаще, конечно, в детстве играл во дворе. Двор – это «мои университеты», это на всю жизнь. Со многими из ребят из нашего двора дружба сохранилась на всю жизнь. Один из таких ребят как раз Слава Силаев, он старше меня на семь лет, он был мне и старшим товарищем, и в какой-то степени учителем.

За школой постоянно собирались играть взрослые парни, мужики – а мы, маленькие, смотрели. Ну а что еще делать? Как вечер – у нас футбол, хоккей или другие подвижные игры: прятки, «поп-загоняло», иногда в лапту неделями водили – это потому что кому-то не отводиться. Сейчас таких игр и нет уже.

Некоторые вспоминают, как футбольные мячи в те времена какими-то тряпками набивали – я такого не помню. Нормальные кирзовые мячи были, со шнуровкой. И еще были резиновые мячи, совершенно разных размеров. Мы могли любым играть, лишь бы мяч был.

По периметру нашего двора шла дорога, тротуар, а воротами нам служили вентиляционные подвальные окна, сеткой занавешенные. И почему-то даже поребрик нам не мешал.

Обувь у нас вечно была рваная. Родители ругали, конечно, но что сделаешь, если другой обуви нет? Одна пара на всё: и в футбол играть, и в школу ходить.

В хоккей играли в таких же условиях, – с той только разницей, что за хоккей нам больше доставалось от дворников: шайбы прорывали подвальные сетки. Ключек не было – отцы нам на заводе подобие клюшек делали, но они постоянно ломались. Мои первые навыки плотника – с тех самых пор, как я клюшки точил. Из штакетника вырвешь палку, обточишь, подпилишь, вставишь крюк – на две-три игры хватало. Когда за школу в хоккей играл, две клюшки в месяц получал. Сломал – всё, сиди на скамейке запасных или проси

у кого-нибудь.

Двор – это знаковое понятие было. Все Колпино моего детства – это три больших двора. Трехэтажные дома как бы окружают двор, а внутри стоят деревянные. В каждом дворе своя компания. Дрались, как тогда было принято: двор на двор, улица на улицу. Во дворе вся жизнь была.

Двор очень четко всех расставлял по ранжиру: кто хорошо играет, кто не очень, кто технарь, а кто «кувалда» – так называли тех, кто сильно по ногам бьет.

И каждый пацан стремился попасть в команду ко взрослым. Старшие ребята собираются и, если игроков не хватает, оглядываются на нас: «Ну, кого возьмем?» – «Ну, давай Саню». – «Да не, Андрюха получше». А мы ждем, кого выберут. Критерий был один: хуже играет или лучше.

Умели всё – защищаться, атаковать. Если какого-то игрока не было – на эту позицию тебя и ставили. И число игроков не имело значения. Вот сколько пришло, столько и играло, пополам делились – и вперед.

Я всегда держался с ребятами постарше. Оттуда и Славу Силаева знаю, и мы дружим с ним до сих пор. Он считался одним из самых авторитетных во дворе, и я гордился тем, что он брал меня с собой. Я не был плаксой и старшим не мешал. А рядом школа – там на лужайке играли уже в организованный футбол. Несколько ребят из нашего двора играли в команде за Ижорский завод – мы смотрели на них с уважением. Каждый был для нас чуть ли не божеством.

Стадиончик-то наш домашний был вполне приличный, а ведь строили его сами! Всем миром, как говорится, – жители тех самых домишек, что двор наш и образовали. Работали в свободное время все вместе: взрослые и детвора. Разровняли площадку, разметку даже сделали. Район наш заводской, и завод помог делу, прислал экскаватор. Сделали футбольное поле: если идти по Стахановской к речке, там детский дом, и перед ним была поляна; вот мы, пацаны, вместе с родителями, конечно, ее выровняли, поставили ворота, прокопали линии и засыпали их опилками, чтобы было видно. Там уже более-менее организованно стали играть – двор на двор.

Стадион есть, быть и соревнованиям. Никто их не организовывал, все само собой пошло, такие битвы разворачивались! Никаких призов не надо было, победа – высшая награда. А еще взрослые со скамеечек да из окон поглядывают, мужики покуривают, вот тебе и «трибуны», да свои, родные, при них вполсилы не сыграешь, а уступить – и подумать страшно.

В 1964 году впервые проводился Всесоюзный турнир среди дворовых команд «Кожаный мяч», в Колпино команду собирал Владимир Александрович Плущинский, замечательный детский тренер, футбольный и хоккейный; он, в частности, воспитал олимпийского чемпиона по хоккею Колю Дроздецкого и Сашу Михайлова, хоккеиста, моего друга.

Мне тогда, в 1964 году, двенадцатый год шел, я все время проводил во дворе. Помню, иду по улице – мне навстречу

бегут: «Там команду собирают!» И возле гастронома, за вечерней школой, мы с ребятами играли, а Плущинский наблюдал за нами. Приглянулись ему два пацана с нашего двора. Одного из них звали Саша, по прозвищу Карандаш, за соответствующий рост, а вторым счастливым оказался я. Выиграли, Плущинский взял в команду...

Это был мой первый шаг в организованный футбол. Мы даже вскоре на сбор поехали, о чем я тогда и мечтать не мог, да и вообще толком ни о чем таком не слыхивал. Все, как я говорил, само собой получилось, двору нашему спасибо. Так я стал участником первого розыгрыша «Кожаного мяча», а осенью был набор в футбольную секцию Ижорского завода. Вообще-то набор был в хоккейную секцию. Но мы все играли и в футбол, и в хоккей с шайбой, в зависимости от времени года. Я и пошел записываться в хоккей. Набирал ребят Сергей Иванович Сальников, выступавший в свое время за ленинградский СКА. Ну, зиму отыграли в хоккей, а весной, как и положено было, мягко перешли на футбольное поле. Сальников и хоккею нас учил, и футболу.

В «Ижорец» меня позвали, когда мне было одиннадцать лет, а с двенадцати я уже участвовал в официальных играх. Летом – футбол, зимой – хоккей. В межсезонье играл за команду Ижорского завода в волейбол.

Я в команде Ижорского завода участвовал в первенстве города по многим видам спорта, а в волейболе даже стал кандидатом в мастера спорта, как-то мы заняли третье ме-

сто в чемпионате Ленинграда среди взрослых, где участвовал «Автомобилист» с Платоновым и Зайцевым, и мы там не потерялись.

Ребята моего года рождения, да и старше, процентов на девяносто были универсалами. Лешка Стрепетов, который позже играл за «Зенит», в хоккее в юности вообще считался суперзвездой. В «Ижорце» тренеры Сергей Сальников, Анатолий Горевалов и Евгений Тятков возились с нами без всяких перерывов на каникулы. Мы постоянно были при деле.

И ребята у нас были хорошие, дружные. Человек семь-восемь – все с одного двора. Мы тогда где только ни тренировались, даже в соседнем лесу – там хорошее травяное поле было. Футбольные тренировки тогда были в основном игровые, так что занимались в охотку.

После второго класса я перешел в 398-ю школу, тоже у нас известную. Раньше она была женской гимназией. В той школе физкультура в почете была, самый любимый предмет. У нас был очень хороший учитель физкультуры, Павел Григорьевич. Он учил нас азам очень многих видов спорта.

Занятия в школе начинались в девять часов, а в шесть мы с пацанами уже в окошко к дворнику стучались, чтобы в школу впустил: в школьном коридоре стояли два стола для настольного тенниса, очередь к ним на перемене была несусветная, так что мы в теннис с утра играли.

Физкультура в школе – это был праздник, когда кто-то из сверстников из других школ хвастался, что прогуливает уро-

ки, мы его не понимали. На школьных соревнованиях вручали грамоты, медали. На уроках физкультуры нас вели от простого к сложному, методически грамотно, я это вспомнил позже, когда уже сам стал тренером.

Спорт в те времена многих пацанов от опасной дорожки отвел. У нас двор был большой, домов шесть, а ребят рождалось немного. 1952 года рождения – тех еще побольше, а 1945, 1946, 1947 годов – маловато. И попробуй отыщи среди старших, кому 14–17 лет, целого и невредимого – все раненые, покалеченные. Тогда ведь на два километра от Колпино отойди – залежи боеприпасов, хоть горстями собирай. Туда прямо мальчишеские паломничества совершались – собирали патроны, гранаты, взрывали всё это. Это называлось «трофейничать».

В итоге у кого палец оторван, у кого вся рука или нога.

Меня Бог миловал: один раз ходил, весь взрывной процесс в какой-то канаве-окопе пролежал. Ну не заинтересовало это меня. Я больше в спорт, в футбол...

Колпинские футбольные команды были своеобразные. Мастерства и умения у нас было не очень много, но характера – не занимать. А в игре как: если с характером туго, то и мастерство против тебя сыграет.

Есть такое понятие – «дух». «Командный дух», например. У колпинцев был дух. Такой, что на домашние матчи к нам просто боялись приезжать. Потому что у нас так: если и не обыграем, так побьем. Хоть в чем-то надо было одержать по-

беду.

Не могу сказать, что мы, футболисты, были в своем районе такими уж звездами: Колпино тогда было маленьким, так что и без всякой славы полгорода тебя знало, и ты знал полгорода. Идешь по проспекту Ленина и почти про каждого встречного парня можешь сказать: в какой школе учиться, каким видом спорта занимается.

Помню, мне лет 15–16 было, нам с несколькими друзьями разрешили играть на первенство Ижорского завода – тем, у кого родители на заводе работают. Я за цех, в котором мама трудилась, и играл. Когда в первый раз играли на первенство завода, тысячи три на трибунах точно было. А если считать по количеству выписанного спирта «на празднование»... Завод выписал двадцать литров спирта, чтобы команды могли с болельщиками отметить после финала. Немыслимое количество.

Кстати, и я на Ижорском заводе работал – после школы, когда в институт не поступил. В «закрытом» цехе, где мама работала, сделали участок, совсем уж секретный. Вот там я сначала учеником слесаря, а потом слесарем и работал. Но недолго, всего год. Потом меня пригласили в «Зенит». Помню, надо ехать за границу, а у меня «секретность», меня не выпускают. Тогда парторг и комсомольский секретарь завода поручились за меня. Только благодаря их заступничеству меня и выпустили.

Тогда в Ленинграде было пять-шесть равных добротных

команд. У всех почти одинаковые условия для подготовки, но у каждой своя изюминка. В Колпино никому, даже лучшим, не было просто. Это такой маленький островок со своими устоями и правилами, да и болельщиков всегда много на «Ижорец» приходило, их поддержка сказывалась. Практически все работали на заводе и были в курсе спортивной жизни. Например, моя мама приходила в цех, а ей сразу: «Накрути-ка Вовке хвост! Что это они вчера так плохо играли?!» Проиграть дома на глазах у родных и знакомых было унижением, поэтому, если в чем-то и уступали сопернику, все равно бились за победу до последних сил. Костями ложились. Естественно, такой подход формировал характер. Еще стоит добавить, что наш старший тренер Евгений Тятков категорически не любил проигрывать. Никто не любит, но он не воспринимал тех, кто не сделал для успеха все, что мог. Поэтому – да, все выходили на игры с нами с опаской, знали, что предстоит бой.

На матчах первенства города трибуны всегда были заполнены до отказа. Свободных мест никогда не оставалось, и мы, мальчишки, усаживались прямо на траве. На центральной трибуне располагался заводской духовой оркестр, игравший марш, когда команды выходили на поле. Было ощущение праздника. Много лет спустя на «Петровском», когда там играл «Зенит», я испытывал схожие чувства: небольшой стадион, но всегда много людей, и обстановка неравнодушная.

Когда стал играть в «Зените» – тоже не могу сказать, что стал такой уж медийной персоной. Но, честно говоря, после поражения гулять в Колпино по проспекту Ленина было не очень уютно. Зато если выиграешь – все тебя приветствуют, поздравляют.

Мне было 15 лет, я уже играл за вторую юношескую команду «Ижорца», и тут на меня обратил внимание тренер Диомидовский. Он тренировал сборную Ленинграда вместе со знаменитым в прошлом зенитовцем, защитником Робертом Совейко. Меня пригласили на тренировку сборной. Нужно было в школе отпроситься с уроков, как-то договорился, но на тренировку так и не попал. Это была моя первая самостоятельная поездка в Ленинград. Диомидовский сказал мне подъехать на стадион «Политехник». Он знал, что я живу в Колпино, и подробно все объяснил: «От Московского вокзала сядешь в метро и доедешь до Финляндского, там выйдешь и пересядешь в автобус». И номер назвал. Мне бы отца расспросить, уточнить, тем более что батя мой – водитель со стажем, уж он-то город знал. А я постеснялся. Решил: не маленький, сам доберусь. Да и автобус, как сказал тренер, довезет прямо до стадиона. Какие тут могут быть проблемы?! Вхожу на Московском в метро, ищу «Финляндский вокзал», и – о ужас – такой станции нет. Хожу туда-сюда, и спросить у людей неудобно, самолюбие не позволяет показаться полным идиотом! Думаю, должна быть станция, не мог Диомидовский напутать! Да и сам я знал уже, что есть

в нашем городе такой вокзал – Финляндский. Ходил, искал, не нашел и, признаюсь, со слезами уехал домой. Жизнь, казалось, кончена. За то время, что я изучал карту Ленинградского метрополитена, команда Диомидовского успела съездить во Францию, без меня, естественно. Уверен был: второй раз такого шанса не представится. Но все же Диомидовский потом меня пригласил вторично. Приехали какие-то американские студенты и играли с его командой на стадионе имени Ленина. В том матче я, от отчаяния, наверное, забил пять мячей и окончательно закрепился в сборной. Ну и на всю жизнь, как таблицу умножения, запомнил название станции метро на Финляндском вокзале – «Площадь Ленина».

Любовь к футболу крепла с каждым днем, хотя, казалось бы, сильнее уж некуда, и я продолжал играть за команду Ижорского завода и самозабвенно тренироваться. Не рискну сказать, что подобное отношение к тренировкам было у меня в детские годы осознанным, просто я любил не только играть, но и готовиться. К тому же в тренировке всегда присутствует элемент состязательности, а уступать я не любил с детства. Дворовая, наверное, закваска сказывалась.

Кроме того, у Диомидовского в его сборной города не было ребят, которым он гарантировал место в составе, а место это было престижным и перспективным, оно открывало дорогу в команды мастеров, но об этом я тогда не задумывался. Просто хотелось попасть в сборную города по своей возрастной группе, а это было непросто.

Пожалуй, закрепился я в этой команде после своеобразного отборочного турне в Норильск и Воркуту. Об этой поездке многие мечтали, тогда мы еще не зацикливались на черноморском побережье, – любая поездка интриговала. А главное, как ни крути, – сборная Ленинграда, пусть и юниорская!

Тогда манежей на Севере не было, играли на открытом воздухе, поля были гаревые. Играли мы со сборной Норильского комбината.

Я очень хорошо это помню, хотя больше 40 лет прошло. Мы выезжали в тундру, потом автобусная экскурсия была на комбинат. Ну и сам город, конечно, посмотрели. Норильск теперешний и Норильск того времени – два разных города. Тогда мне казалось, что там всего две улицы. Центральная площадь и две улицы от нее отходят, два ряда домов; еще, помню, удивились: заглядываешь в подвал дома, а там лед. И еще одно воспоминание: заходишь в замкнутое помещение – небольшой магазинчик или в рейсовый автобус – устойчивый запах спирта, перегара, он везде стоял...

Я стал лучшим бомбардиром этой юниорской сборной Диомидовского, но параллельно вошел и в профсоюзную сборную города по хоккею с шайбой. И при этом совершенно еще не понимал, что готовлюсь, как сказали бы теперь, к профессиональной спортивной карьере. Просто играл в охотку, увлекало это меня, наверное, потому и миновали все соблаз-

ны, нередко свойственные юному возрасту.

Уже играя за дубль «Зенита», я участвовал в первенстве Ижорского завода. Предприятие огромное, и в начале 1970-х футбольный турнир среди подразделений завода проводился в трех лигах. В высшей играло, по-моему, 12 команд, чуть больше – в первой, а во второй – очень много. В регламенте существовал пункт, что если тебе нет 18 лет, то можешь играть за команду цеха, в котором работают родители. Помню, как после вечерней тренировки в Удельной бегом бежал с электрички, чтобы успеть в Колпино на матч, который начинался в восемь часов вечера. И никто меня не заставлял, я с радостью принимал это приглашение, чтобы пообщаться с друзьями.

Между прочим, на матчи «Ижорца» билеты продавали: детский стоил пять копеек, взрослый – двадцать. Для сравнения: семь копеек тогда стоил пирожок с повидлом, на который мне мама давала деньги.

Безбилетников не было, если кто и перелезал через забор, то это были единицы. За порядком следили, и если тебя хоть раз поймают, то мало не покажется. Кроме того, все же друг друга знали, и неловко было вести себя подобным образом.

Когда были маленькие, приходили на стадион к десяти утра, а потом оставались и смотрели все оставшиеся матчи. Став постарше, все равно приходили к игре младших детских команд. Все друг друга поддерживали, и в «Ижорце» очень дорожили подобными взаимоотношениями.

Моей заветной детской мечтой было сыграть за первую взрослую команду «Ижорца». Я лежал на траве, наблюдая за игрой мужиков, и представлял, как тоже выйду на это поле, и меня будут поддерживать также много людей. Как Валу Секретного и Колю Савина, звезд «Ижорца» времен моего детства. Их обожали и боготворили не меньше, чем потом «зенитовцев» Халка или Кержакова с Аршавиным. Но пробиться в первую взрослую команду было сложно даже из старшей юношеской. На очереди стояли ребята, вернувшиеся из армии, молодежи никто не спешил давать шанс. И вдруг произошло чудо. Евгений Тятков приболел, команду возглавил Николай Смирнов, обладатель Кубка СССР 1944 года в составе «Зенита». Я ему чем-то понравился, и он пригласил меня на подготовительный сбор первой взрослой команды «Ижорца», который проходил в Петродворце.

Две недели мы жили в пансионате и тренировались в местной воинской части. Потом вернулись домой, и меня включили в состав на кубковый матч, но дебют я провалил с треском. Выгнали с поля. Точно уже не помню за что, по-моему, ударил кого-то, ответил сгоряча. Но минут двадцать на поле успел провести. Позже поумнел, а по молодости не всегда мог себя сдержать.

По этой же причине я и с волейболом закончил. Выступал, между прочим, тоже за первую мужскую команду «Ижорца». В очередной игре соперник и судья меня так завели, что в одном из эпизодов я ударил по мячу, и тот попал точно в

арбитра, сидящего на вышке. Не скажу, что сильно ему досталось, но видели этот момент все. И меня удалили. Я помню, что не очень-то и расстроился, поскольку на следующий день уезжал на сбор с «Зенитом».

«Зенит». Первый тайм

До какой же степени я был ни в чем не сомневающимся и даже наивным в юности! У меня ведь никаких сомнений не было, как должна пойти жизнь. Вот поиграю в колпинской команде, потом, конечно, пойду в «Зенит», там поиграю, перееду в Питер жить, окончу институт, потом буду работать тренером...

В «Зенит» и в те времена было попасть очень трудно. Мне случай помог.

Летом 1970-го меня включили в состав юношеской сборной Ленинграда, которая отправилась на всесоюзный турнир «Надежда» в Молдавию. Были в той команде ребята, которым пророчили большое будущее в футболе. Такие обычно в каждой юниорской команде есть, но судьбы их складываются по-разному. Из нашей команды заиграл Александр Дашкевич, пробовавшийся в «Зените» и ставший впоследствии футболистом ленинградского «Динамо». Перед отъездом в Молдавию провели пару товарищеских матчей и обыграли, между прочим, первый состав ленинградского «Динамо», выступавшего тогда в первой лиге, – 2:1. Однако на турнире мы не пробились в финальную часть, став на групповом этапе лишь третьими. Особенно обидно уступили хозяевам, которым явно помогали.

Турнир в Молдавии в итоге оказался определяющим. Ле-

гендарный хоккейный тренер Николай Георгиевич Пучков уже собирался пригласить меня в СКА. Но я как раз в это время уехал с Диомидовским.

После возвращения домой я немного приболел, но, когда раздался телефонный звонок и мне сообщили, что сборная сыграет с резервистами «Зенита» в Удельной, я, конечно, и не думал отказываться.

В юношеской сборной Ленинграда, кстати, было довольно много ребят «от производства» – от предприятия «Большевик», от Ижорского завода, от «Скорохода». И после одной из игр, которая как раз проходила на базе «Зенита», меня зенитовский тренер Анатолий Васильев пригласил на следующую тренировку зенитовского дубля.

Правда, там история вышла, о которой я, наверное, уже сто раз рассказывал. Я приехал на первую тренировку – а Васильев приехать не смог; и я, вместо того чтобы подойти к другому тренеру, так и просидел на скамеечке рядом с полем всю тренировку. Уехал со слезами.

А дня через три-четыре наша сборная играла (снова совпадение, этого могло бы и не быть!) на стадионе «Спартак», он около зенитовской базы. Пришел Васильев: «Ты чего?! Думаешь, тут перед тобой будут на коленях стоять, упрашивать, чтоб ты пришел?!» Говорю: «Да я приходил...» Васильев не поверил, конечно, но ребята из «Зенита» подтвердили – приходил парень какой-то, всю тренировку просидел...

9 августа 1970 года меня зачислили в «Зенит». Навсегда

запомнил эту дату. Мне 17 лет было. С этого момента вся жизнь переменялась. Две тренировки в день; вставал в семь утра, в девять с чем-то электричка из Колпино, в 9.40 я уже в Ленинграде, несусь вниз по эскалатору, потом вверх, чтобы успеть к 10 утра на Финляндский – ровно в десять отходил автобус на базу. И порядок был железный, как только пикало по радиостанции «Маяк» – трогались, никого не ждали. Если электричка опаздывала, был еще какой-то шанс перехватить наш автобус на маршруте. Или ехали на такси до Удельной – кажется, рубль двадцать это стоило, но такси тогда редко были свободны.

Тогда, кстати, «Зенит» намного чаще проигрывал, чем сегодня. Если бы болельщики в те годы злились так же, как сейчас злятся... да у них бы просто злости на все неудачи команды не хватило! Мы ведь, хоть и не были элитой, но команда наша была «с особенностями». Даже лидеры, когда приезжали к нам на Кирова, не имели никаких гарантий выигрыша.

О другой зенитовской особенности я узнал, когда уже приехал в московское «Динамо». Там меня первым делом спросили:

– У тебя нет «зенитовской» болезни?

Спрашиваю:

– Какой это?

Объясняют:

– Ну вот мы в Москве считаем, что вы, «зенитовцы», иг-

раете до тех пор, пока не заработаете, а как заработали премиальные – вас играть не заставишь, пока все деньги не прогуляете.

То есть у нас не было жажды накопления: заработал – давай еще, еще. Нет, все прогуливали. Правда, потом опять старательно играли – чтобы вновь заработать.

Пробиться в основу было очень трудно. Тогда в состав команды входило 27–28 футболистов. Тренировались все вместе и жили на базе одним коллективом. 16 человек играли за дубль, после матча они возвращались на базу, и на следующий день тренеры выбирали тех, кого можно заявить и в основе. Каждый год на просмотр в «Зенит» вызывалось много молодых, но зачисляли лишь трех-четыре. Молодежь играла за дубль «Зенита» два-три года, потом самые достойные переходили в основной состав. На моей памяти лишь Владимиру Голубеву удалось перепрыгнуть через эту ступеньку.

Он немного сейчас в тени, но я считаю, что Володя – великий центральный защитник. Таких мало было и в союзные времена. Считаю, что сравнивать его можно только с Альбертом Шестерневым.

В отличие от Голубева, я мог покорить тренеров только трудом и характером, других особых талантов, я считаю, у меня не было.

База по сегодняшним меркам была такая домашняя, маленькая, тогда еще двухэтажная... Но в то время мне каза-

лось, что это верх того, что можно сделать для футболистов, потому что там, при всей этой скученности, был зубной кабинет, кабинеты других врачей, кладовая, кабинет директора базы и администратора Матвея Соломоновича Юджовича. Была комната для кастелянши, раздевалки, туалеты, столовая, кухня.

Комнаты на двоих – только для основного состава. Первая моя комната – это библиотека. Вернее, первую ночь я вообще спал на топчане, где процедуры делали. А потом мне уже дали постоянное место в библиотеке. Там жили я, Костя Самсонов, Паша Симбирцев, Саша Смурьгин и Валентин Соколов – был такой вратарь дубля недолго. Комната, кстати, с отдельным выходом и окно большое прямо на пруд. Так что у нас козырно было...

Я однажды проснулся, думаю: что-то паленым пахнет, смотрю – окно открыто, лето, жарко и Сокол наш сидит с «беломором» на окне и покуривает, а время часа три ночи...

Тогда среди молодых, я знаю, не очень многие курили. Единственный, кто курил всегда, это Владимир Евгеньевич Голубев. Об этом можно романы писать...

Вот одна история про него. Мы приезжаем в Ташкент играть, середина лета, июнь или июль. Я спустился вниз. А тогда были в моде рубашки в сеточку, рыбу хорошо было в нее ловить... Вот эту сеточку на себя надеваешь, хлопковая она вроде, а на руку дунешь, и по руке, как в бане, капельки пота выступают. Ну, сижу, жду, решили сходить на рынок... Из

Ташкента всегда старались что-то домой везти. Я сижу, боюсь пошевелиться, чтобы не вспотеть, вдруг он спускается в пиджаке!

Я говорю:

– Вова, ты чего в пиджаке?

А он:

– А куда я сигареты положу?

– Вова, ну не в пиджаке же идти, возьми сумку!

– О, точно!

Ушел. Выходит в рубашке и... с огромной сумкой, а там пачка сигарет и зажигалка.

Алексей Стрепетов, полузащитник и нападающий «Зенита» в 1968–1976 гг.

Мы дружили втроем в том «Зените» – Казаченок, Володя Голубев и я. Вместе попали в «основу» «Зенита», до этого вместе играли за дубль. Вовка и подмечал все смешное, замечательно смешно рассказывал, и сам пошутить любил. Например, однажды он переписал таблички на дверях с именами игроков, заменив их на имена героев из мультфильмов тех времен. А к нам в тот день приезжали чиновники из города. Можете себе представить их недоумение и общий переполох, когда вместо фамилий Бурчалкина, Садырина они обнаружили фамилии героев мультфильмов?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.